

ХОДНЫЙ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛъ
ДЛЯ ДАМЪ

Годовая цена I-го издания:

Съ 12 раскрашенными картинами:

Въ С.-Петербургъ, без доставки	4 р. — к.
— съ доставкою	5 р. — 50.
Съ пересыпкою въ другіе города	6 . . . . .

СОДЕРЖАНИЕ: За тронъ и жизнь. Исторический романъ Гласти. (Продолженіе).—Планета въ шкіркѣ. (Продолженіе).—Цезарь Капарра. Фантастический разсказъ. (Продолженіе).—Женская любовь. Новелла Франца фонъ-Немецдорфа.—Фальмутонъ. —Силья. —Продолженіе описания рисунковъ № 15. —Почтовый ящикъ. —Объявленіе

За тронъ и жизнь.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ГЛАСТЬ.

(Продолженіе).

Бытьесте этого извѣстія на сара Пендерграаса
было такъ сильно, что онъ едва устоялъ
на ногахъ. Онъ съ трудомъ держалась за
большой стулъ, стоящий подъ него; головъ
измѣнился ему. Передъ нимъ явно возставала
вся опасность и неизрѣтность его положенія.
Отказать королю въ гостепріимствѣ не было ни
какой возможности. — Пендерграас отказалъ на
это изъяненіе компромитировалъ бы всю свою
партию; съ другой стороны, въ его груди боролось
чувство величественности съ долгомъ, который возлагалъ
на него данное Портретъ слово. Пендерграас

былъ на столько благороденъ, чтобы почувствовать
весь ужасъ своего положенія. Король, врагъ
его, котораго онъ старательно избѣгалъ, доѣрѣлъ
идти къ нему, хотѣть поечатъ безъ стражи
домъ человѣка, враждебныхъ чувствъ котораго
ему извѣстны, идти потому, что разсчитывалъ на
благородство этого человѣка. Онъ избралъ своего
врага для охраненія себя во время сна и вътъ, въ
это-то самое время, когда король, не преду
сматриваючи опасности, склонился почтиться
подъ кроной сора Джона, — какъ разъ въ это
время охранитель монарха долженъ оставить его,
чтобы присутствовать на затворѣ, угождающемъ
его гостю. Пендерграас затрепеталъ при этой мысль.
Пендерграас затрепеталъ при этой мысль;
но вслѣдъ онъ не могъ измѣнить дѣла — онъ
долженъ было быть затворенъ въ Ромей-Морѣ; если
онъ не явится туда, то будетъ заподозренъ. Союзникъ
якобитъ, давшій слово присутствовать
въ собраніи привершеннѣя паднаго короля и не
вийдшій туда по той причинѣ, что смѣртный
врагъ этого короля у него въ домѣ, — такой союзникъ
долженъ быть названъ изъянникомъ, шпиономъ —
подвергнуться общему прещирѣнію. Къ
счастію Пендерграаса, Генрихъ былъ очень добро
душенъ. Онъ принялъ долгое молчаніе за удивле
ніе и радостное замѣщательство, причиненное до
вѣрчивостью короля.

— Но, не правду ли я говорилъ? — вскричалъ
онъ радостно. «Разъ король врагъ католикъ.
Не правъ — ли я?

Журналъ «МОДНЫЙ СВѢТЪ»

выходитъ въ количествѣ 45 номеровъ въ годъ, съ 2000 политическими
рисунками во текстѣ, съ 12 листами выкроекъ, 12 выкроекъ
изъ котирольной ведущей въ

12 или 24 раскрашенными картинами изъ иллюстраций моды.

Объясненіе въ журнале «Модный Свѣтъ» принадлежитъ къ Контролю Редакціи
и виноватъ за таковыя за 10 к., за струкою покажется, какъ съ жесто.

Годовая цена II-го издания:

Съ 24 раскрашенными картинами:

Въ С.-Петербургъ, без доставки	5 р. — к.
— съ доставкою	6 . . . 50.
Съ пересыпкою въ другіе города	7 . . . . .

— Вы совершенно правы, — сказалъ сэръ
Джонъ.

— Да, правда. Его величество пристыдила
меня какъ испытала божье.

— И такъ, я донесу, что вы завтра примете
адѣль его величества?

— Разумѣется, простилахъ сэръ Джонъ.

— Король нисколько не стѣнчить васъ, сказа
лъ Генрихъ вессело. «Онъ, какъ настоящій солдатъ,
будетъ доволенъ ежѣмъ, что вы предо
живите ему; сънятъ онъ не береть съ собою, зна
чить вы можете быть покойны. О! какъ и раздѣлъ,
что случай привезъ его въ вами; какъ онъ обра
дается, когда я заиграю разсказку ему, кто вы для
меня... итъ», прибавилъ онъ тихо, «кто вы
были для меня?»

Въ эту самую минуту дверь изъ залы распахну
лась и вѣбѣла Элла изъ родственныхъ киркъ:
«Генрихъ! Генрихъ!». Она узала своего друга
дѣтства, она подушащая. Генрихъ прятнула къ
ней обѣ руки, но строгій взглядъ сора Джона
остановилъ дѣла — она на минуту остановилась
передъ Генрихомъ и опустила глаза.

— Сэръ Гоббартъ! промолвилъ она, «извините
меня». Генрихъ хотѣлъ было тепло отвѣтѣть, но
слова замерли у него на языкѣ, потому что ба
бушка, мистрессъ Ани, вымыла въ комнатѣ.
Она видѣла эту сцену и устремила на Генриха
изъянтельный взглядъ.

— А — сказала она ироническимъ тономъ,
«опять адѣль, сэръ Гоббартъ? Бѣ Америкъ не
хорошо. Но бѣдные лягушки не могутъ намъ
помочь».

— Вы ошибаетесь, матушка, сказала Пендер
граас. Генрихъ вѣсъ въ вѣсъ не нуждается. Онъ занимаетъ
королевскую должность. Онъ принад
лежитъ къ лѣтѣ-гвардии короля Вильгельма.
Мистрессъ Ани устремила гнѣвный взглядъ на
Генриха. «Хороша ли эта должность, извѣстно
одному Богу. Я думаю, что онъ допускаетъ жить
на землѣ злыkhъ людей наше въ назанѣженіе. Что
надобно въ наше сору Гоббарту въ такомъ позднѣй
часъ? Неужели вѣбрьне не должны имѣть новой
оттого, что Навуходоносоръ путешествуетъ по
государству?»

— Матушка, гнѣвно вскричалъ сэръ Джонъ,
«не затѣйтъе бесполезной скоры. Король вовсе

не желаетъ беспокоить насъ. Напротивъ. Онъ
хотѣетъ показать, какъ далеко онъ отъ строгихъ
мѣръ противъ насъ; онъ вѣбѣлахъ мѣтъ черезъ
Генриха Гоббарту, что завтра утромъ остановитъ
сѧ въ моемъ дѣмѣ».

— Кто? кто что остановится у тебя? вскричала
старуха.

— Король Вильгельмъ англійскій, спокойно
произнесъ сэръ Джонъ.

— Ты примишь его, мой сынъ? Ты — явный
привершенье Стюарта, допустиши почевать врага
этого законнаго государя въ своемъ дѣмѣ?

— Я долженъ быть гостепріименъ. Изычники
и турки не прогоняютъ врага, прощающаго у нихъ
крюка — я не могу отказать королю въ почетѣ.

— Ты можешь, вскричала старая фанатичка.
Нарушители величина правъ, врага твоей
церкви, ты не допустиши перешагнуть порога
твоего дома. И сострадательна къ бѣднымъ ко
мандантамъ, къ несчастнымъ реселеніямъ, по
коронованому врагу твоей церкви и указываю
дверь.

— Все такая же застарѣлая, злая папистка,
вормотила Генрихъ. Элла безжалюдно смотрѣла
на отца, то на лѣбѣй-гвардѣца.

— Мѣтъ хотѣлись бы кончить этотъ споръ,
сэръ, сказала Генрихъ: будьте таки добры, сказа
тѣ, каковъ отвѣтъ долженъ примишь его величеству.
Если вы откажетесь примишь его, то я могу сказать,
что сэръ Пендерграас не хозяинъ въ дѣмѣ, но что онъ подчиненъ своей матери,
враждебной попынѣю порѣдкамъ; его величеству
можетъ же и не останавливаться въ Кильбураухъзѣ.

— Да — да, скажите это вашему Олоферну,
вскричала старуха. — Если въ немъ есть еще хоть
немножко справедливости, то онъ пойметъ, по
чему мы....

— И здесь хозяинъ въ дѣмѣ, повторю еще
разъ, программѣ наконецъ Пендерграас. «Я при
казываю молчать. Я открытымъ привершеньемъ
Стюарта, ревностнымъ папистомъ, я разсталъ съ
моей дочерью, которую любилъ, потому что она
не раздѣляла моихъ убѣждѣній, — но и дворянинъ,
король Вильгельмъ также, а ни одинъ дворянинъ не
долженъ отказываться другому въ гостепріим
ствѣ. Мой домъ открыть и, волей-неволей, вѣ
саль Ораща. Скажите королю, Генрихъ, что я

жду къ себѣ противника, довѣрившаго миѣ. И готовъ принять короля».

— Благодарю васъ, соръ Джонъ, вскричалъ Генрихъ. «Теперь позвольте миѣ расказать; миѣ кажется, что менѣ не желаютъ имѣть го-стемъ».

Пендергартъ проводилъ Генриха до дверей — ни-мистрилъ Анна, ни Элла не трогались съ мѣста.

— Моя матъ, вообще хорошая женщина, ре-вностная сторонница Ствартовъ; и много про-шаю ей, уважение приказываетъ миѣ молчать, сказала Генригата.

— Я знаю это, возразилъ Генрихъ. «Вы при-носите большую жертву».

Пендергартъ вздохнулъ и покашлялъ Генриху руку. Лѣбѣдь гвардесъ сошелъ на дворъ, где его ожидала лошадь и обѣ проводника. Когда онъ хотѣлъ вскочить въ сѣдло, что-то промелькнуло за вы-ступомъ стѣнъ.

— Элла — тиѣ здесь? Ты хочешь миѣ что ни-будь сказать?

— Генрихъ, произнесла поспѣшишо шепотомъ молодая дѣвушка, «извини за дурной приемъ, виновата я».

— Не старайся уѣхать меня, Элла. Я все знаю.

— Любишь ли ты еще менѣ? Вспоминаешь ли о настѣ? Какъ хотѣлось миѣ поболтать съ тобой, но бабушка неумолима. Послушай. Твой король застраиваетъ будущий настъ — приморъ бы и ты съ нимъ, на это никто не обратить вниманія. Я поговорила бы съ тобою съ полусыса.

— Это трудно будетъ устроить, Элла, сказала Генрихъ.

— Король приѣдетъ сюда одинъ, безъ всякой стражи. Онъ хочетъ видѣть твоему отцу приѣздъ двѣрья, онъ будетъ почесть у вѣсъ въ дому со-вершенно одинъ.

Элла беззапоиной осмотрѣлась. «Какъ? совсѣмъ безъ стражи?» сказала она, задрогнувшись.

— Конечно. Неужели-бы король долженъ чего нибудь опасаться въ дому своего отца. Сэръ Джонъ любить, но онъ дѣятельность».

— О, мой батюшка — она ничего, — а вотъ ба-бушка.

Лѣбѣдь-гвардесъ сѣдалъ безвоконко. «Гмъ», произнесъ онъ. «Твоя правда — я буду болѣзни, но такъ, чтобы король ничего не зналъ. Намъ приказано провести ночь въ Плайденъ, но если ты желашь поговорить со мною, тиѣ приди от-туда».

— О, да, Генрихъ, — ты вѣдѣ знаешь малень-кия ворота башни, которая посреди парка; они бу-дутъ открыты для тебѣ, дорогу ты знаешь».

— Да, я знаю дорогу. Она ведетъ въ комнату твоей покойной матери».

— Терпѣра эта комната моя.

— Хорошо, застра вечеромъ около десяти ча-совъ я буду здесь; — а что скажетъ бабушка?

— Она не увидитъ и не услышитъ насъ; она покинетъ не выходить вѣсъ вечеръ изъ своей комната, чтобы не встрѣтиться съ Оранцемъ. О — какъ я рада, что могу побесѣдоватъ съ то-бою».

Генрихъ вскочилъ въ сѣдло — Элла еще разъ напомнила и исчезла. Лѣбѣдь-гвардесъ медленно покѣхалъ назадъ въ Гуденфордъ.

— Во всѣхъ слухахъ лучше, если я буду вѣзти короля, сказала онъ, напоминая бабушку. Безвоконство Эллы вижу миѣ очень стран-нѣмъ. Если король замѣтитъ менѣ и останется недоволенъ, то у менѣ будетъ опрандованіе въ томъ, что я хотѣла повидаться съ Эллой. Гмъ-гмъ, этотъ Кильмурхуза производитъ на менѣ очень страш-ное впечатлѣніе; что-то беспокоитъ менѣ и заставляетъ задумываться. Отъ гримо всхлип-нула: «Мер! Мер! опять я вѣтрусь съ тобою».

Сэръ Джонъ Пендергартъ возвратился въ свою комнату. «Итакъ, я долженъ дѣйствовать», сказала онъ. «Если бы можно было отыскать Ге-орга, то я объяснилъ бы ему, почему я долженъ

остаться дома. Союзники не могутъ менѣ заподоз-рить, если на слѣдующий день я разкажу имъ причину моей неявки. Уѣдъ изъ дома, во время превращенія въ немъ короля, и немедленно воз-бужу подозрѣніе — пѣть, пѣть, я долженъ остановиться.

Пендергартъ бросился въ кресло и погрузился въ глубокое раздумье; тишину въ дому прерывалъ не приятный, глушильный пѣнь. Стара мистрилъ Анна пѣла свою вечернюю молитву.

Когда Генрихъ Гоббартъ возвратился въ Гуденфордъ, король уже отспался на погодѣ. Лѣбѣдь-гвардесъ иѣкоторое время оставалась около дому, болтая и играя въ кости. Кругомъ было еще довольно оживлено. Свита короля только-что раз-вилась по квартирамъ.

— Ничего особенного не произошло? спросилъ Генрихъ одного изъ солдатъ.

— Ничего, кроме маленькой сцены. Здѣшніе поселеніе прогнали одну дѣвушку, которая тер-лась около окна. Говорятъ, что она пантиста и кудуна.

— Какова она собой? спросилъ поспѣшишо Ген-рихъ.

Худощавая и хорошо сложена, — съ свер-казывающими глазами, длинными черными волосами. На головѣ у неї была темный платокъ.

— Это была она, пробормоталъ Генрихъ. Это была Бесси Гунтъ, дочь контрабандиста. Какъ попала эта дѣвушка въ королевский затѣръ? Буду застраивать смотрѣтельны.

(Продолженіе будемъ).

ПЛЕВЕЛЫ ВЪ ПШЕНИЦѢ.

(Продолженіе).

Роза, вошедшіи по звонку графини въ комнату своей госпожи, застала ее сидѣющей у письменного стола. Четыре изорванныхъ письма лежали у ея ногъ на полу, она писала пато. Во время писанія графини часто оборачивалась къ Розѣ и предлагала ей различные вопросы.

— Графа нѣть еще дома?

— Нѣть, графиня.

— Я, воротясь, забыла спросить, куда онъ спо-снова уѣхалъ?

— Я не знаю, графиня, но Жанъ, вѣроятно...

— Да, хорошо, спросите Жанъ. А если и Жанъ не знаетъ — пусть онъ сходитъ въ деревню, въ трактиръ, и спроситъ. Уже четыре часа. Я бы хотѣла прокатиться сегодня. Вотъ дайте Жану эту золотую монету. Не знаете ли вы, че...

— Не вѣдѣ ли вы графъ? Нѣть, графиня, сего вѣдѣ нѣть, хотя онъ очень любить бывать тамъ посѧ обѣда. Онъ сегодня, конечно, въ дере-внѣ. Трактирный мальчишка пробѣгъ мимо и рѣкъ въ Зендериде и говорилъ, что госпо-дина графа заказалъ обѣдъ и купилъ винъ и тѣ-перѣ обѣдѣть съ той блѣдной, большой женщи-ной, которой оказалась вовсе не больной.

— А, вотъ какъ! тогда Жану нечего и ходить или, нѣть, пусть лучше пойдѣть и скажетъ гра-фу, что я его ожидамъ. Всегда вѣсъ за хлопоты. Если вы увидите трактирного мальчишку...

— О, внизу и говорю съ нимъ каждый день, воскликнѣла дѣвушка Роза, жадно хватая деньги, если я ему увижу, то...

— То что? холодно прерываетъ ее, опомнился, графина.

Дѣвушка Роза смущается и бормочетъ:

— Не распросить ли ее о незнакомкѣ?

— Да, конечно, пожалѣй, эдакъ такая скуча, что можно ради разнообразия послушать и спасти.

Роза отыскиваетъ въ людской Жану, отдать ей половину изналичныхъ для него денегъ и съ важностью говорить ему:

— Жанъ, ступай въ деревню, отдай эту запи-сочку барыни графы, и узнай какъ можно болѣе подробностей о незнакомкѣ. Чѣмъ хуже изѣѣсть, тѣмъ лучше. Тенеръ можно заработать деньги, понимаешь?

Жанъ отвѣтствуетъ.

— Эхъ! кабы мы съ тобою да имѣли свое хо-зяйство! вскакиваетъ онъ.

— Тенеръ все возможно, отвѣтствуетъ ему его ле-безная, надо только уметь пользоваться. Невѣ-роѣсть, ревность, скучная деревенская жизнь, эми-ма — тутъ то и надо ловить рыбу въ мутной во-дѣ. И все это знаю отъ матушки, недаромъ она была всю жизнь горничной въ богатыхъ домахъ у не совсѣмъ счастливыхъ барыни.

Часы пробили пять, пробили шесть. Графиня Дина своимъ придумками чѣмъ съела свою кашу-юнгирю. То у графини болѣтъ голова, то она хочетъ идти гулять, то ей хочется читать. Ей страшно хочется видѣть тетушку, но тетушка до сихъ поръ еще не возвращалась со своей прогулки въ деревню.

Бывали минуты, когда графиня останавливается посреди комнаты, долго стоитъ и думала:

— Я бы хотѣла умереть.

Въ жизни женщины встречаются такие момен-ты отчаянія, причина которыхъ — несчастная любо-вь. Молодая, прекрасная, здорова — графиня Дина стояла какъ цѣѣтъ, сломанный буро. Ей самой казалось, что изъ груди ея все умѣро.

— Положеніе мое не можетъ быть хуже, ду-мала она. Боже мой, онъ никогда меня не любилъ, но онъ по крайней мѣрѣ былъ мономъ, при-наржалъ миѣ одно! Онъ никогда не думалъ, что миѣ онъ опасна могла принести живой образъ! Второе яѣ послѣ нашей садѣльи мы жили въ Вѣвѣ, тогда онъ принесъ миѣ Мазу, и сказалъ, что это ребенокъ его родственника, которому мы должны помочь. Онъ рассказалъ миѣ такую тра-гетическую исторію и уговорилъ называть, вскорѣ, Мазу нашимъ ребенкомъ. Я сѣѣла это, и отвѣтила всему. Онъ казалась такими откровен-ными, а я была такъ счастлива! Маленькихъ со-минѣи все таки остались у моихъ сердца. И чув-ствовала, что это были его ребенокъ.

Боже мой, я такъ сѣѣло вѣрила ему, а между тѣмъ ревновала его ко всему, къ цѣѣту, который онъ срываѣтъ, къ собакѣ, которую ласкаль, къ иш-нему, которому онъ подавалъ милостыню! Это надѣло ему, но я не могла поступать иначе! Я хотѣла любить его! Боже! что же такое любовь? неужели отъ неї нельзя излечиться? Что я буду теперь дѣлать? Я терпѣла счастье одиночка, вполнѣ несчастна, потому что она зѣѣтъ! Я знаю, въ онъ не можетъ поступать иначе. Онъ долженъ идти къ ней. Я хотѣла бы уйти прочь отсюда! Я не могу его больше любить! Уѣхь пять часовъ, а все еще ешь! Онъ заказалъ для неї обѣдъ. О, я знаю, онъ опять опять раскажетъ какую ни-будь трогательную исторію, цѣѣль романъ. Тенеръ я не вѣрю ему. Негодѣй! до сихъ поръ не-года! Боже, Боже! но гдѣ же тетушка! что тамъ теперь дѣлается? Какъ хотѣла бы я разло-бить его!...

Четверть часа спустя, графиня входила въ комнаты графа; въ первой комнатѣ сидѣла, за-сунувъ пальцы въ кашлю, камирадъ-циркера графа. Дина разбудила его легкими приносне-ниями къ плечу. Голстѣй камирадъ вскочилъ и, почитительно поклонившись своей госпожѣ, спро-

— Что прикажете графинѣ?

— Моего мужа нѣть еще?

— Нѣть, графиня.

— Хорошо, миѣ нужно найти одну телеграм-му; письменный столъ открыть?

— Ключ лежитъ въ китайской вазѣ, графина.
— Хорошо.

Графиня прошла въ кабинетъ. На лице камердинера промелькнула самодовольная усмѣшка.

— Ну, слава Богу, проночила онъ, прѣбѣжала наскакивая чорная кошка; хохоластъ жизнъ буда пикантнѣе до ходыше.

Графиня Дина между тѣмъ рѣзала въ письменномъ стольѣ, но она не рассматривала бумагъ, она открыла лиции, придавивала пуговки, всюду видны потайныхъ отдѣлений. Наконецъ, поиски ей удались успехомъ, она нашла цѣльную пачку писемъ, писанныхъ женской рукой. Въ письмахъ мужу ей обращались съ интимнымъ «ты».

Уходя, она сказала камердинеру: — И говорите же, что я искала телеграмму, она вѣрою у меня.

Графиня была удивлена, что камердинеръ, не смотря на данную ему золотую монету, не преговорится, и донесетъ графу. Она знала, что поступила дурно въ отношеніи своего мужа, но что было ей дѣлать? Чорная реноностъ овладѣла бѣдной женщиной. Ей было все равно. Цѣль была достигнута, письма соперники буда были въ ея рукахъ.

Что значили для нея эти письма? она была и не knewъ ихъ уѣхрена въ измѣбъ. Каждая строка только разрывала бы ея, и безъ того истерзаное, сердце. Не развернувъ писемъ, она бросила ихъ въ угол комната.

Въ эту самую минуту, подобно порыву вѣтра, вошла въ комнату тетушка Мирта, и воскликнула:

— Моя бѣдная душечка! Я теперь знаю все!

Тетушка забыла снять свою шубу, и заключила въ свои объятия Дину, стола, изображая изъ себя медведя, обнявшего молодую стройную лису.

— Я знаю все. Ее зовутъ Реа.

— Реа! этимъ именемъ подписаны всѣ письма.

— Да, да, Реа! Трактирная хозяйка все подсказала имъ сестрѣ комнаты. Она все мѣръ рассказала. Хотя она сама ничего не понима, кроме отрывочныхъ словъ, потому что извѣри говорили шепотомъ. Она была тѣмъ то недовѣрна. Они говорили другъ другу тѣмъ.

— Тѣмъ Еще бы! что же мінѣ теперь дѣлать? Тетя, какъ мінѣ поступить?

— Дѣлай, какъ знаешь. Что онъ тебѣ обманываетъ — это вѣрою. Ты должна или простить его, или....

— Тетя!

— Или развестись съ нимъ. Но для того, чтобы развестись, ты слишкомъ его любишь.

— Я любви его? Презрѣтило проговорила Дина. Бѣдѣ она не сказала ни слова.

Тетушка Мирта отвернулась отъ нея, тутъ ея кошачьи глазки замѣтили на полу пачку съ письмами. Она торопливо подняла его и сунула въ карманъ.

Тетушка выжидала, чтобы Дина заговорила первая. Долго молчала бѣдная женщина, прежде чѣмъ была въ состояніи слова заговорить.

А между тѣмъ тетушка все потыкала въ своей шубѣ, наконецъ она вспомнила обѣ нѣ.

— Mais il faut que je quitte ces fourtrages! сказала она, намѣ наѣдь, другъ мой, съ многомъ переговоритъ. Пойдемъ ко мѣ, я не могу оставить тебѣ одну, ты, пожалуй, опять будешъ плакать.

Графиня Дина все еще продолжала стоять посреди комнаты, всверкъ глаза въ мѣсяціевъ пе-редѣю оскѣпнѣннѣи сїга. На него было наѣдь то лишнее зимнее пальто, пѣцца кожы, золотистые волосы ей падали на плечи, она была спокойна, очень спокойна, когда произнесла слова:

— Плакать! о немъ?!

Въ эту минуту она дѣйствительно похоронила въ сердцѣ свою любовь. Спокойно проводила она

тетку въ ее комнату. Отъ внутреннаго волненія, жара каминна и собственной шубы тетушка совершило раскидана.

Вышедши изъ комнаты, онъ въ концѣ коридора встрѣтили только что возвращавшагося графа Христіана.

— Добрый вечеръ! воскликнулъ онъ, обращаясь къ дамамъ.

Его фигура, его голосъ произвели на Динумагическое вѣдѣніе; погребальная лебедь ей снова возродилась, какъ огонь изъ подъ пепла. Ею овладѣла страшная ненависть къ этому любимому человѣку, ненависть такая, которая буда бы ей силу убить неизѣрного. Она выразилась изъ руки тетки, подбѣжала къ мужу, сорвала съ руки заѣтнѣй браслетъ, съладѣвъ подпордѣ,бросила его въ лицо изумленнаго графа и затѣмъ, въ изнеможеніи, упала на руки подсѣдѣвшей тетки.

— Что это значитъ? сердито и вѣмѣстъ испу-ганио воскликнулъ графъ.

— Ничего! прошипѣла тетушка. Дина опять страдала мигреню, уздѣ отъѣда и позвоните Розу и Сузу. Проскорѣй, вѣше присутстви портить все дѣло. Подите, вы ничего не понимаете! да по-скорѣ же!

(Продолженіе буде).

ЦЕЗАРЬ КАПАРРА.

Фантастический разсказъ.

(Продолженіе).

Пробѣжалъ нѣкоторое время, флюрентинъ осмотрѣлся. Онъ со большими трудомъ узналъ мѣстность, въ которой находился. Это было выгорбанный кварталъ, представлявший груду развалинъ, мимо которыхъ онъ разъ уже проходилъ; зловредные мѣзы заражали воздухъ этой мѣстности. Ноги Цезаря ежеминутно вязли въ глинистѣ земѣ, замедлившіе его шаги.

Съ большими трудомъ вышелъ онъ на порадочную дорогу; она очутилась въ мѣстѣ города, очень рѣдко имъ насѣкаемомъ; и заблудился бы тутъ въ ясны днѣ, не только ночью. Еще и другая причина задерживала его на пути; всѣстѣнѣи опьянѣнія, усиленнаго еще всѣми вѣнѣтнѣми, или благодаря быстрому переходу изъ внутренности напитаннаго багажушиемъ погреба на открытый воздухъ, Капарра почувствовалъ во всемъ организмѣ необычайную тѣгость.

Главнымъ образомъ страдалъ голова; передъ его глазами начинали вертеться всѣ предметы. Это первое потрясеніе отозвалось также на ногахъ, которые потеряли свою гибкость.

Проклятъ-ас старуха, или первыя постыдѣвія нравственнаго потрясенія тѣхъ силы подѣствовали на флюрентинца. Всѣ странности этого вечера перемѣшались въ его головѣ. Мицамъ представилась ему дочерь Матеусъ; Гертруда же на-казывалась какъ подковѣтъ, и лицомъ Флоренцій. Капарра былъ въ восторгѣ отъ этой перемѣны и представлялъ себѣ идущимъ съ новою нѣкѣтой въ свою отѣлъ.

Наконецъ ему удалось преодолѣть свое забытье и выйти на настоящую дорогу. Онъ быстро пустился по ней, не чувствуя ничего другого, кроме сильной мигрени, сквизившей ему виски.

На нѣкоторомъ расстояніи отъ дядюшина дома, ему почудились вблизи человѣческая фигура вверхъ ногами, очень походившая на старую Саади.

Было очень поздно, когда онъ вошелъ въ домъ Матеуса. Всегда довольно лицо старого бургомистра выражало уныніе.

— Цезарь, сынъ мой, сказалъ онъ, я вовсе не желалъ стѣснить вашихъ дѣлѣй, потому что мой домъ всегда открыты для сына моего брата.

— Если же сегодня мы не будемъ прѣятнѣмъ ваше долгое отсутствіе, то потому только, что я хотѣю неговорить съ вами обѣ очень серьезной вѣщи. Однако, теперь уже далеко за полночь, вы, вѣроятно, устали и потому мы можемъ отложить разговоръ на завтра.

— Я уже давно легъ-бы спать, если бы не одно обстоятельство, очень удивившее мене: вамъ только что принесли большую скринку, если судить по флагу.

— Гертруда отнесла ее въ вашу комнату.

— Кромъ того, мінѣ передали свертокъ и маленький ключъ отъ футляръ. Вы найдете все въ вашей комнатѣ. Пойдите отдохнуть, мой другъ, и не забудьте, что завтра я хочу совершилъ съ вами продолжительную прогулку.

Старый добрый ушоль, нѣсколько успокоеннѣй; Канарра, въ великой радости, быстрыми шагами направился въ свою комнату, находившуюся на концѣ дома.

Старуха сдерзала слово, говорилъ онъ, отворяя дверь; эта проклятая скринка заинтриговала меня до послѣдней степени.

Все было тутъ, какъ говорили дядя: свертокъ и маленький ключъ на стольѣ, возѣ кровати, а лицъ чорного дерева окраине окна.

Онъ нетерпѣливо открылъ его, отдернулъ чорный крѣпъ и внимательно осмотрѣлъ.

Этотъѣдѣствительно было необыкновенная скринка, которую они видѣли у Саади позади горьшихъ треножниковъ. Онь выпустилъ инструментъ большими предосторожностями, снялъ съ него чорный бархатный чехоль и подношилъ къ лампѣ, чтобы внимательнѣе оглядѣть.

Большій познаніи Канарра, простирающіи на всѣ произведеніи знаменитыхъ мастеровъ, оказалъся въ этомъ случаѣ безъразличнымъ.

Невозможно было рѣшить, какому изъ извѣстныхъ скриничныхъ фабрикантовъ принадлежалъ этотъ инструментъ. Иногда еще Кремони или Найду не выпускали изъ своихъ знаменитыхъ мастерскихъ залы такой отчѣтливой и вѣмѣстъ съ тѣмъ странной формы.

Дѣвка была не кленовна, не еловая, не чорного дерева, но изъ дерева, вовсе неизѣстнаго Цезаря.

Спустя нѣсколько минутъ, онъ открылъ одно обстоятельство, довольно непрѣятное; дерево скринки издавало ароматъ, который дѣлалъ все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ скринку дѣлали.

Флюрентинъ сначала не замѣтилъ присутствія тѣжкаго запаха. Онъ переворачивалъ инструментъ, разматывая его со всѣхъ сторонъ и удивляясь необыкновенной его звучности. Достаточно было малѣйшаго прикосновенія къ дѣлѣ, чтобы вызвать сильную вибрацію струнъ.

Познаніи Канарра заставлялъ прикончить его вниманіе, производя непрѣятное впечатлѣніе на нервы; онъ былъ очень удивленъ, найдя его нехodившимъ отъ скринки.

Тѣмъ не менѣ Канарра желалъ узнать ея тонъ и искать смысла. Въ ящики его оказалось, а самъ онъ оставилъ ихъ въ нижнемъ этажѣ. Но прежде, чѣмъ оставить инструментъ, онъ доторупился пальцемъ до струны созѣ въ басу.... посыпалъ ужасные звуки, нѣчто въ родѣ продолжительного рѣчанья. Въ ту же минуту басовая струна кончила съѣсть же грозными шумомъ и сильно ударила по лицу Канарра.

Онъ хотѣлъ поймать за конецъ быстро свернувшуюся струну, но едва присосалась къ ней пальцы, какъ она сильно отдернулась назадъ, оставивъ у него на руки широкий шрамъ. Въ ту же минуту около удивленнаго итальянца раздались приглушенные звуки, закончившіе каскадомъ рѣчнаго смыка, очень страннаго для уха.

Между тѣмъ удивленнаго запахъ становился не-вымоющимъ.

Канарра рѣшилъ отложить до завтра бѣлье подробное изслѣдованіе инструмента. Укладывая скринку въ футляръ, онъ былъ убѣждѣнъ, что

неопределимое желаніе пріобрѣсти ее не могло быть сдѣлѣствіем дурного внушенія.

Тонь инструмента былъ поразительно хорощъ... Только вотъ происхожденіе его было окружено какой-то непроницаемой тайной!... Его нельзя было назвать просто скрипкой. Онь представлялъ нечто среднее между тѣмъ и другимъ, будучи къ то же время совершенствомъ искусства.

Флорентинецъ занѣр лицы и подошелъ къ окну, чтобы подышать сѣльскимъ воздухомъ, когда-то недоставало въ комитѣ; онъ чувствовалъ тяготу во всемъ тѣлѣ.

Дойдя до постели, онъ почувствовалъ сильное головокруженіе, такъ что едва въ состояніи былъ раздѣлиться и лечь.

Противъ постели Канарра висѣла на стѣнѣ четырехугольная дубовая доска, съ реальными рѣзными рисунками чрезвычайно дикой фантазіи.

Онъ представлялъ сцену въ маскарадѣ.

Зада безъ всякихъ украшеній, съ массивными стѣнами изъ огромныхъ тесанныхъ камней. Въ одномъ углу четырѣ стѣны стоятъ тронущій съ лампой, тускло освещающей сцену дѣйствія.

Вѣроятно, какой нибудь любопытный духъ олушевалъ художника при исполненіи этого барельефа.

Въ глубинѣ сцены испуганные музыканты убѣгаютъ отъ оркестра, спасаясь съ выраженіемъ паническаго страха. Гости, наряженные въ разнообразныя kostюмы, умѣряютъ въ содорогахъ на переднемъ планѣ сцены, выставивъ изъ подъ масокъ покрытые мертвенней блѣдностью лица. Фигуры этихъ умирающихъ исполнены чрезвычайно оттолкнительно и выразительно, свидѣтельствуя о таланѣ художника.

Странная картина, способная привести въ ужасъ перваго человека.

Главная личность, служащая причиной катаклизмы, стоитъ посреди зала, господствуя надъ толпою съ выраженіемъ неограниченной власти: это сдѣлалъ.

Онъ драпированъ въ саванѣ, собранный въ искусныя складки; отблески сїдѣтъ даютъ разбѣгъ тѣлъ на матеріи, повсюду вѣзающейся, за недосягаемъ языка. И во всѣхъ исполненіяхъ необыкновенная поданія.

Эта фигура выдѣляется своею величественностью осанкой, она господствуетъ надъ всѣмъ. Постъ первого взгляда на картину, нельзя отвести отъ ее глаза; она привозитъ страшъ. Идея передана отлучно, контрастъ поразительный; то, что должно бы жить, говорить ему о счастлии, умирать и наводить на мрачныя мысли; то, чтобы слѣдуетъ быть мертвымъ, павшимъ покрытымъ зелеными саванами, напротивъ, обладаетъ всѣми признаками жизни и жизни счастливой.

Въ самомъѣдѣ, очень оригинальномъ произведеніи. Упругія kostи скелета плавно и грациозно движутся. Онь танцуетъ, аккомпанируя себѣ на скрипкѣ.

Родона мертвца, коветливо склоненная къ инструменту, приторно улыбается, какъ бы выражая большее удовольствіе отъ ученической имѣшадости. Мертвецъ не одѣнъ въ залѣ. Позади сидѣть существуетъ, подобно ему.

Этотъ послѣдній, очевидно, выходецъ съ того сѣла, не имѣть такой жизненности, какъ первый. Онь исполненъ неумѣлости и бестрастности, свойственной скелетамъ; обладающій въ свой саванѣ, какъ въ мышкахъ, онъ холода, замогиленъ; въ правой руцѣ онъ держитъ бѣль съ металлическими концами и сидѣть, склонившись, у выходной двери, черезъ которую никто не можетъ пройти, минуя его руки.

Подъ картиною написано объяснительное слово, только одно, но нѣкакъ. Безполезно сообщать значеніе этого слова; оно составлено изъ слоговъ, одно произношеніе которыхъ можетъ навести ужасъ!

Это самое думалъ Канарра, разсматривая картины, и безполезно ожиданіе сна, который не приходилъ къ нему. Разныя причины не позволяли

ли ему уснуться. Во первыхъ мучительное обнаружение болѣзниенныхъ симптомовъ, безновинившіе его уже бѣже часа.

Дрожь пробигала по всей его кожѣ, содроготываясь главнымъ образомъ на походѣвшихъ конечностяхъ.

Затѣмъ, подробности пребыванія у Саади забылись у него въ умѣ въ этой тишинѣ и группировались въ строгой послѣдовательности. Онь не могъ вынынуть изъ головы малѣйшихъ подробностей прошестія. Все, что онъ говорилъ старухѣ, возставала передъ нимъ слово въ слово, подобно иконостасу музикальныхъ мотивовъ, которые повторялись противъ волнъ.

Самая строгая логика благороднаго не могла удалить этихъ неотызвимыхъ мыслей. Впрочемъ, во всемъ этомъ истинѣ не липалась ему замаскировано въ фантастический образъ, онъ понималъ все съ грустью средство, употребленныхъ съ цѣлью подѣбовать на его умѣ.

Канарра ясно видѣлъ всю постановку плаща старой Саади, чтобы заставить его жениться на ея дочери. Соблазнительная картина, которую представляла Мириамъ, распространяющая на своемъ роскошномъ ложѣ, колесики музикальныхъ инструментовъ въ норѣ, — все это было ясно, бросалось въ глаза, все, даже метафизика старой колдуньи.

Всѣ эти средства казались Канарру очень грубыми; однако, смыслъ нѣкоторыхъ частностей совершиенно ускользалъ отъ него: напримеръ, ароматическіе пары, распространявшиеся вокругъ инструмента; отѣтъ старухѣ: «отъ залѣхъ до умѣнія уложить другому?» Какой другой? Былъ ли это тѣтъ таинственный ароматъ, которымъ еще тенерѣ была позна комата?

Не смотря на упорную неотвѣтчивость занимавшихъ ея мыслей, Канарра не могъ не слышать продолжительной шума, начавшагося съ тѣхъ поръ, какъ онъ легъ въ постель; шумъ этотъ подходитъ на жужженіе, подобно тому, какое производятъ крылья большихъ муховъ.

Шумъ все усиливался, но тѣмъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и болѣзнившее состояніе флерентинца, то онъ объяснялъ все приливомъ крови въ головѣ.

Чтобы разсѣяться, онъ машинально взялъ со стола свѣтлую, чтобы прочитать подорѣкъ старухи. Эта рукопись была очень странно написана. На чорномъ пергаментѣ, потныхъ строкахъ прѣдававшихъ видъ бѣльихъ сасановъ.

Флерентинецъ не могъ не умыться при видѣ такого союзданія со всѣмъ предшествовавшимъ; онъ тщетно старался понять что нибудь изъ этой композиціи и наконецъ безотчетно уронилъ свѣтлую на одѣло.

(Окончаніе буде).

ЖЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Новелла Франса фонъ-Неммердорфа.

(Продолженіе).

Она уютно помстилась на диванѣ, въ своей особенной поѣзѣ, иже усыпалась, какъ могъ удобѣйтъ, на плохомъ креслѣ.

— Знаете ли, какъ попала ко мнѣ Федоръ Михайловичъ, Францъ Петровичъ?

— Иѣтъ, я только всегда видѣлъ васъ вмѣстѣ.

— Мой отецъ былъ дворянинъ и помѣщикъ, ни богатый, ни бѣдный и съ огромной семьей. На менѣ, почти еще въ ребяческомъ возрастѣ, уже падала отъ младшихъ братынь и сестрѣшъ. Мнѣ же, конечно, приходилось ухаживать и за болѣзнившимъ отчомъ. О, ужасы были тѣ ночи, въ которыхъ моя молодые газы не знали сна!

— Вы подтверждаете известную истину: если человѣку и удастся пристроить какуюнибудь жертву, то онъ самъ о ней никогда не забудетъ.

— Весьма естественно, если отъ этой жертвы ему приходится жутко.

— Когда отецъ выздоровѣлъ — меня, въ изграждѣ, повезли на балъ; тамъ увидѣлъ меня только что возвращавшійся изъ границъ князъ III. Черезъ мѣсяцъ, мы съ нимъ были обѣчаны. Мыѣ было нещастнѣлоѣтъ, а ему пятьдесятъ.

— Немного первыи партіи!

— Онь никогда не былъ мнѣ мужемъ, а скроѣ господиномъ. Женился онъ на мнѣ по случаю и продолжалъ канкриничать всю жизнь. Вы спросите, почему я терпѣла и оставалась съ нимъ.

— Онь всегда ставилъ мнѣ приманкой свое ограниченіе.

— Такъ вотъ чѣмъ держится большая часть супружества. Жалѣбы бы я узнала, сколько процентовъ приходится на долю любви?

— Однажды князъ привезъ изъ какого-то пуштештѣвскаго мальчика. Это былъ Федоръ Михайловичъ и князъ привезъ мнѣ его на заѣзѣ. Какъ только я и становилась менѣѣ уступицами, моя пугающая возможность предоставить насѣльство крестину. Впрочемъ, мнѣ недолго пришлось видѣть Федора Михайловича; онъ наскучилъ князю и былъ отданъ въ какое-то казенное заведеніе. Возвѣтившись однажды изъ деревни, мужъ мой вдругъ умеръ ударомъ. День прошелъ въ оѣльзѣніи отъ печалиности. Я узнала отъ сенатора Смирдина, что запытывали сдѣланіе князю еще задолго до вступленія въ нашъ домъ Федора Михайловича, такъ что я могла наконецъ считать себѣ наѣздицей, богатой и свободной. Чудное было чувство сознавать себя госпожою въ томъ домѣ, где двадцать лѣтъ проѣзжалъ подъ ногами. Поздно вечеромъ, сидѣла я одна со своей коринницей. Мареа чесала ми грудь.

— Ну вотъ, душенька, и настало то время, ко, про которое я твердила тебѣ, когда ты тѣмъ гордо плакала неѣтой.

— Да, и я сейчасъ же воспользовалась своимъ правомъ, вскричала я. И всломила эту изъ нѣти, что крестинъ возвратился, окончивъ свое воспитаніе и засталь благоѣздомъ мертвымъ. Я не всѣла пускать къ себѣ Федора Михайловича, а теща приказывала, чтобы его сю-же минуту не было въ моемъ дому.

Будь помилостивѣе, говорила Мареа; не будь тебѣ Божіаго благословенія за жестокость!

— Молчи! Дай мнѣ струблевую ассигнацію; это татово для иншаго!

Не слушая убѣзъній Мареи, я вырвала у неї скѣпку и пошла, какъ была, съ распущенными волосами, въ комнату Федора Михайловича. Юноша лежалъ въ постели. Глаза его опустились; возможно, онъ заснулъ въ сасанахъ, но пріятный сонъ вызывалъ радостную улыбку въ ту минуту, какъ я подошла къ нему. Куда дѣбалась вся моя злая!

Тихонько потрассла и его за руку; онъ открылъ большие голубые глаза рабою, съ мольбою, посмотрѣть на меня.

— Будьте съмънъ въ моемъ дому, Федоръ Михайловичъ. Я буду продолжать добре дѣло, начатое княземъ.

— Оть, очевидно, не ожидалъ этого. Лицо его покрасилось краской отъ радости и онъ торжественно плюнулъ мои руки. Иѣзънъ, воспитаніемъ князъ III.

— Потчи. Однажды онъ сдѣлалъ такъ наханенъ, что и прогнали его. Въ другой разъ, и хотѣла уѣхать отъ него тайно, но онъ опять пачалъ сидѣть къ нему. Куда дѣбалась вся моя злая!

— Съ тѣхъ поръ Федоръ Михайловичъ и живъ на вѣсѣ.

— Потчи. Книга кнїгъ подернулась и побагровѣло.

— Федоръ Михайловичъ катался на лошадяхъ князя, жилъ въ его комнатахъ, вѣль кня-

жескую жизнь, какъ же не быть неблагодарнымъ послѣ этого!

Можно спросить, почему вы теперь въ Меранѣ?

— И жду!

Это произнесено было съ змѣйскимъ шипениемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Выходя изъ «Почты», я чувствовалъ потребность оставиться чудеснымъ воздухомъ, отъ почернѣвшихъ тамъ скверныхъ печатей и скрою оставилъ за собою деревенскій бересмѣръ. Впереди меня лежали синѣ горы. Лѣсистая тропинка вела къ верху.

Встрѣчи нечасты въ этомъ божественному уединенію, однако, и явственно услыхалъ шаги и притомъ на столько легки, что ихъ нельзя было принять за крестьянскіе. Скоро передо мною очерталась фигура въ модномъ нарядѣ и лаковѣхъ сапогахъ, плохо пригодныхъ для странствованія по горамъ. На тонкой рубашкѣ сверкали близкошитые запонки. Мы узнали другъ друга.

Годы не безследно проносились надъ Федоромъ Михайловичемъ; онъ замѣтно пополнился, но смѣтель еще совсѣмъ молодцомъ.

Странно, что книга III. не сказала мнѣ, что въ часъ можно здѣсь встрѣтить, замѣтить я, постъ первыхъ пріятелей?

Развѣ книга эта въ Меранѣ? изумленно спросилъ мой собесѣдникъ.

— А вы не знали этого?

— Съ тѣхъ временъ мы съ ней невидимы.

— Мнѣ это кажется почти невѣроятнымъ.

— Есть пѣни, т. е. я хотѣлъ сказать узы, до того виноваты въ нашу жизнѣ, что ихъ нельзѧ разорвать окончательно. Приходится до смерти волочить за собой ихъ обломки.

— Что же вы дѣлаете здѣсь одинъ, Борховскій?

— Счаю! Развѣ возможно другое занятіе въ горахъ Гироль.

— Можно, напримеръ, отрываться здѣсь отъ городского шума, сѣртишись съ себѣ книжную пыль и печатальную отъ людской мелочности.

Она показалъ плащами и юбку.

— Вы застали книжную оду?

— Да; то есть въ ее обычной обстановкѣ, съ Баренцией и ее матерью.

— Она совсѣмъ отдѣлась въ руки этимъ людямъ. Противную обезьяну, вину которой корицами, она постоянно держитъ себѣ и, несмотря на мои убѣжденія, сдѣлала управляемымъ своею мѣйянѣ отъ ея. Это уѣзъ достаточно свѣршилъ; но еще хуже настоящіе родственники книжки.

— Понимаю. Богатая бездѣтная вдова окружена особыми, склоняющими ее на насильство.

— Да, это цѣлая стая вороновыхъ пугацъ. Книгия видѣть ихъ насквозь, прогоняетъ и спать не привыкаетъ къ себѣ и такъ вѣчно.

— Это видно забавляетъ ея съцѣлью.

— У неї престранный выборъ развлечений. Есть и еще одно: мечта обѣ устройствѣ вдовьего дома въ Орловскомъ имѣніи.

— Это очень на нее похоже. Для неї наступаетъ время выкупить добрыми дѣлами кое-какіе грибы, совершившие въ теченьѣ жизни.

— Ну, на этоѣ выкупѣ потребуется такъ много, что мнѣ не останется ничего послѣ се-мести. Я вѣдь близкайший родственникъ со стороны покойного кнзя.

И знаѣтъ, что это неправда, но Федоръ Михайловичъ тащъ часто повторять эту сказку, что, кажется, наконецъ самъ ей поверилъ. Книгия III. извлекла пользу изъ уроковъ покойного мужа. Быть прежде ей самой ставили пугало крестьянка, таѣ и она теперь страшна Федору Михайловичу вдовьемъ домомъ и своей роднѣ, чтобы лучше держать его въ рукахахъ.

Тѣнь неудовольствія лежала на красивомъ лицѣ моего спутника; мы шли нѣсколько времени молча.

— Вы, кажется, что-то пишете? обратился ко мнѣ Федоръ Михайловичъ.

— Точно такъ.

Берегите ошибки большей части романовъ, которые главной причиной всего ставятъ любовь. Любовь есть только эпизодъ въ жизни и переживается гораздо легче, чѣмъ вся другая наслажденіе. Истинное несчастіе состоитъ въ томъ, когда съ жирыхъ сливовъ, пе-редѣшь на снитокъ молока.

Федоръ Михайловичъ лѣниво принялъ за-стегивая свои парижскіе перчатки.

Изъ за зелени мельчайныѣ бѣлыѣ стѣны, обѣ-щающія отѣхъ и подкрепленіе.

— Вы встрѣтились здѣсь Викторину... Г-жу Смирдину, поправился Федоръ Михайловичъ.

— Очень приятнѣ!

И послышалъ я бѣлому домику и почти не слыхалъ прощального привѣтства моего спутника.

(Продолженіе будетъ.)

ФЕЛЬТОНЪ.

Нынѣшняя весна съ ея спутниками оспой² и холерой. —Черты нѣкоторыхъ петербургскихъ врачей. Ихъ человѣчность въ дѣлѣ подавленія помочь забывающимъ. — Мой взгляделъ на докторовъ. — Вѣрнѣя средство для поддержки здоровья. — Публичныя лекціи, читаемыя въ клубахъ. — Заявленіе г-жи Неброшкиной. — Представленіе г-жи Валле. — Взглядъ одной воспитательницы женскаго школьнаго заведенія на современные учения. — Поправка книжъ въ пуб-личной библиотекѣ.

Хотѣлось бы поговорить о погодѣ, да не смѣю: не принятъ. Фельтонисты петербургскихъ газетъ тотчасъ поднимаютъ на смѣхъ; имъ же нужно предметъ для смѣха. Пѣть, не дамъ имъ этой пѣни, пусть поступятъ смѣхомъ для своихъ фельтона, смѣютъ возвышенными, загадочными, туманными, пусть они потѣшаютъ публику не-вѣнчаными арѣзющими болѣе литературынаго газеторопы, пусть для достиженія побѣды приѣзжаютъ всевозможными и невозможными ухищрѣніями, къ бранію, отъ которой иногда кровь стынетъ въ жилахъ читателя, къ разнымъ tour de force..., а и не войдѣтъ въ ихъ арену и стану говорить ужъ если не погодѣ, то въ времени года. Предметъ довольно скромный и можетъ послужить публи-тормъ образомъ сюжетомъ для丑чного диспута.

Такъ напримеръ, всѣ ученые и поэты въ особенности, призываютъ весну, красу природы, за что-то такое прекрасное, что можетъ быть оценено только образомъ предѣстрадѣнія дѣвицы въ вѣнкомъ на головѣ. (Я мало знають съ флорой и потому совсѣмъ не помню, какіе еще цветы вѣнчаютъ въ вѣнокъ дѣвы весны). А между тѣмъ, я не призываю этихъ предѣстрадѣній всеснѣ и даже готовъ вступить въ самъ жаркий сноубъ съ уличными поэтами и доказать имъ, что весна есть самая противна дѣви, и даже въ наружности ея нѣтъ ничего привлекательнаго. Она береть только тѣмъ, что непосредственно слѣдуетъ за зимою, это безобразная кашиль-старуха; а не будь этого — много бы она утратила въ мѣйянѣ поэзіи. Ну хоть настоящая весна въ Петербургѣ... гдѣ же я прелестъ, гдѣ цветы, которыми поэты вѣнчаютъ ея? Если ужъ необходимо надѣять ей либо на голову, тоѣмѣсто цветы приѣдѣтъ снастѣ для неї вѣнокъ изъ вѣнчиковъ. А относительно еї отрѣатительности, не прѣзъ ли я? Кто изъ фельтонистовъ решится упрекнуть меня въ каскетѣ, называть меня несчастливымъ затѣжникомъ и прочими неслыханными наименованіями? Вагилите саны на неѣ и судите, въ какомъ видѣ она появляется

предъ нами? Всѣ въ осѣпѣ и съ пріпадками хо-лери. Одно ея появление какую подняло суматоху. Народъ въ ужасѣ бросился въ воспитательный домъ, наводнилъ приемные поконъ поймѣнскихъ частныхъ домовъ; кричали: «спасибо, весна пришла, осену привнесла... прихватывай насыпь, а если можно, таѣ ужъ кстати и холеру приви-таѣ!» Стало приывать всѣмъ осену, да уже саникомъ много лежило на нее охотниковъ: осеня не хватило, ну и доктора совсѣмъ изъ силъ вы-бились. Совсѣмъ изнемогли, такъ что, не смотря на благородѣтельный распорядженіе правительства и душитъ человѣчность сдѣланніемъ имъ пріглашеніи докторамъ, эти бѣднушки и уши зат-кнули для голоса человѣчности и стали не сказы-ваться дома, когда ихъ призываешь ночью, чѣмъ за-бользывающимъ холерой. Когда же одинъ изъ нихъ, из долгу своей просьбы и прѣблѣ, къ такому больному, то прежде всего сдѣлалъ выговоръ хозяйкѣ семейства, чѣмъ которому принадлежалъ больной, за то, что она, не заставъ его дома, позволила себѣ искаѣть другихъ докторовъ (иѣ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ не явился), а не ожидала, какъ сѣдѣвало, спокойно, его прѣблѣ. Возраженій, чѣмъ больной могъ умереть, докторъ не принялъ, но разгневанный послѣдователь давать больному глотать ледъ и за тѣмъ уѣхалъ. Что, если правительству не удастся усвѣдѣть этихъ господъ и они, довольно полузачумлены или прі правительства жалованье, захотятъ пово-иться въ своихъ, устроенныхъ съ собѣдѣніемъ всѣхъ санитарныхъ условій, постелахъ, — вѣдь бѣдъ и томуѣ! Впрочемъ, сѣйчасъ оторвѣться, что это воскликніе не есть выраженіе монхъ соб-ственныхъ чувствъ. Напротивъ, и того уѣждѣ-ния, что тѣмъ рѣже дурные искуспы являются у постелей больныхъ, тѣмъ чаше больные иста-ютъ съ постелей. А скажите, много ли хорошихъ между ними? Не трудитесь отвѣтывать, а согласи-тесь, что весна прѣгадко времена года. Она застав-ляетъ насъ знакомиться съ докторами, — а что можетъ быть хуже этого?

И не имѣе степени доктора, но тѣмъ не менѣе владѣя запиской сѣдѣніемъ, всѣма пригодныхъ въ настоящее время. Вотъ мой рецептъ, за который я удостоился одобрительного отзыва петербург-скаго физика: «Быть поменьше, снять побольше, не затрогиваяніемъ нашего мозга, какое доставлять намъ фельтоны, театральные кри-тики; избѣгать встрѣчи съ кредиторами, всегда одаренными свойствомъ портить писеваніе; рабо-тать умѣренно, пить... чай, если угодно, отъ другихъ же пить сѣдѣтъ въ звѣрьѣ. Буде-тъ страдать беспоиницей, что очень временно, то-му сѹткую посѣщать лекціи по такимъ отраслямъ знаній, о которыхъ она самаѣла только сторо-новъ, да и то вскользь. Въ такомъ случаѣ, дѣль-ствъ ихъ будетъ гораздо сильнѣѣ нѣкоторыхъ наркотическихъ средствъ, а между тѣмъ предъ положительно никакаго. Впрочемъ, при употреб-лении этого средства слѣдуетъ сбѣльдовать нѣкото-ро предосторожности, въ особенности при вы-ходѣ изъ клубовъ художниковъ, гдѣ нѣкоторые, какъ оно заявляѣтъ г-жа Неброшкина, хва-таютъ за ноги дамы. Положимъ, что это не болѣе, какъ невинныи шутки, но эти шутки производятъ испугъ, а испугъ дѣйствуетъ на первыи желудокъ, что совсѣмъ не вѣститъ на-стремленіи времени. Посѣтительница клуба мо-гутъ, однакожъ, легко избѣгнуть неудобства этихъ шутокъ: имъ слѣдуетъ только затерпѣть наизусть заявленіе г-жи Неброшкиной прѣблѣ-тии офицера съ синимъ воротничкомъ, занимающаго этого рода шутками и при появленіи его при-нимать заблаговременно свои мѣры. И даже хочу въ мой рецептъ включить извѣстную душу шутокъ, но только другого свойства, и потому со-вершенно иные дѣйствующіе на наши нервы.

Этотъ рода шутки можно видѣть въ михайлов-скомъ театрѣ, во время представлений престижнѣ-

татора Г. Велла. Очень любопытно видеть, какъ онъ вынимаетъ изъ рта своей жены яйца, которыя тутъ такое множество, что сколько несынай, все еще останется. Хотя весьма выгодно иметь такую жену передъ Пасхой, когда яйца сильно дорожаютъ, но, признавшись, я не завидую Г. Веллу. А фонусъ съ воздушными шаромъ, изъ подъ которого исчезаетъ дѣвицъ, только что наѣвшая на себя шапку, взяту у едой изъ истригательницы и въ самыи моментъ исчезновенія являетсяѣтъ въ одной изъ ложъ театра? Прекрасный фонусъ! Но и вся прочій штуки этого замѣтчательного искусника удостоились иссѣбшаго одобрения. Есанъ изъбѣгъ художниковъ не можетъ привлечь на свою представлѣнія г. Велла, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ, чтобы ониъ изгнали фонусника въ синемъ воротничокъ.

Но вот еще фокус! одна воспитательница одного женского учебного заведения, воспретила родному брату дщерины, воспитывающейся в этом заведении, посыпать сестру в установленные для сцданий с родными днами; не дозволила ему видеться с ней иначе, как по билету, лично ее выданному и под угрозой, что брат, хотя бы видно, любил свою сестру, не стать посыпать в голову молодой девушки идей, по мнению воспитательницы, предно действующих на нравственность ее воспитанниц. Такая энергическая мера невольно рождала вопросы: в чём же заключаются эти, столь разрушительно действующие на нравственность молодой девушки, идеи? А в том, изволите видеть, что брат, как я зывалъ выше, любитъ сестру свою, которая чрезъ письмо мъслью должна ныть изъ заведения, имъ въ виду, что, по недостаточности ихъ средствъ, ей предстоитъ трудовая жизнь, стала знакомить съ тѣмъ отраслями труда, которыми, благодаря современному развитию общества, сдѣлались доступными для женщинъ. Такъ она указала на бухгалтерские должности, на телеграфный занятий и проч. Этого достаточно было, чтобы воспитательнице овладѣть страшнымъ трепетомъ, который и внушалъ ей, какъ добросовѣстной охранительницѣ нравственности своихъ питомницъ, мыту, принятую противъ столь вредной пропаганды. Но я понимаю, такого рода идеи разрываютъ сердце и душу молодой девушки, знакомы иль съ весьма

непримечательной, грубой, материальной стороной жизни. Сердце и душу, предназначенные природой для более возвышенных целей и потому недоступных для какой нибудь бухгалтерии, для каких нибудь телеграфных занятий, где рука женщины, созданная для струин арфы, для клавишной фортепиано, ударяет по паному то клавиши, издающему какие то глухие деревянные звуки. Совершенно справедливо! Коль только моя dochь достигнет известного возраста, я тотчас съем ее на руки антично-христианской воспитательницы и упрекну, что дочь моя, по выходе из заведений, не исподражает чувством честности или же не новый, но всегда прекрасный романеск. «Под вечер осени прекрасный».

А я только что хотѣлъ воспѣть хвалебный гимнъ одной святой рѣчи, которая, служа конториціиѣ на пароходѣ агентству, состояла въ должности библиотекаря городской библиотеки и при этихъ двухъ должностяхъ находила еще время воспитывать двухъ своихъ дочерей. Хорошо, что рассказалъ мню случай изъ женскаго заведенія дать новое, былое прынципальное направление моему взгляду, въ силу которого и теперь прозрѣвалъ, на сколько дама въ двухъ должностяхъ отходитъ отъ своего прямого назначения. Какая участія постигнуть ей дочерей! Что сдѣлается съ ихъ сердцами, душами и руками? Страшно подумать! Просовѣтуясь этой нечастной матери, пока ея дочери праственности не погибли, помѣстить ихъ въ заведеніе, выбранное просвѣтленной онѣкъ почтенной воспитательницей.

может, от своего прямого назначения; но нельзя отрицать, что в нынешней должности и не преимуществу в должности библиотекарь ой не занимались. Иль между ними такими, которых своею ученостью стяжали бы себе общеверопейскую известность, иль между ними въ особенности такими, которых принадлежали бы къ ордену изауору, и, дѣствия въ славу этого ордена, стали бы красы изъ публичной библиотеки греко-византийской книги. Въ этомъ отношеніи онъ представляютъ солидную гарантію, обезпечивающую чистоту столъ полезныхъ учреждений, какъ публичныхъ библиотек.

Смъсь.

Новые городские железнодорожные

вагоны. Илько доктор Маверь, из Чикаго, разобралась, что же за вагоны, движущиеся посередине, давят воздуха. В краях вагона устроены четыре магнитные резервуары, которые наполняются воздухом посредством машины, подвижной паровой машины, и вследствие притяжения наружу сдавленного воздуха, приводят вагон в движение. Съездленными экспертами пытались показать, что вагон, который легко приводят и который движется без шума, в fact проходит шесть миль, что было признано удовлетворительным результатом.

Продолженіе описанія рисунковъ № 15.

65—66. Два ночныхъ чепчика (фасонъ сѣтки).

Выкройка: Обор. стор. Прил., № XIX—XX.

65. Ночн. ченчик с косым пассажем. (Выкройка: бор., стр. Праздн., № XIX, фиг. 57, вместе с завязкой.)

(шесточке). От среднего косого сгиба до края «фольга» пришивается вкладыш, а в остальном она мазо обрамляется; насыпь дается из материала *фобе*, а по-
вому винтится в насыпь. Завязки у задней части
одежды вяжутся по 24 стяжки в 3 цент. шириной.
Одевается, конечно, на ту же насыпь, отсыпая за-
днюю щель впереди и сзади, а на верхней
части подола она привязывается для петельки. По-
сле отсыпания из 2 цент. шириной из муссона складку,
одевают на подкладку, подголовник, пришивается вкладыш
одежды, подкладка, подголовник, пришивается вкладыш
одежды. Завязки и двоечки оканчиваются шнуром.

бор, стор. Прилоз., № ХХ, лист. 55, левая). Из деревни на середине переда совершенно гладкого и однотонного материала, слегка волнистое прямое платье из ткани с широкими полосами материала в виде полоски, обрамленной рюбкой, со вставками юбки на середине. Для него осталось около 30 цент. объема в стяжки, потому пристало к фону совершенно гладь на переди до левды главной части пасы; затмъяя привнесли медленные складки. Тесемки задергиваются на юбке, а юбка в свою очередь должна быть на головѣ бантами. Швы пасы и юбки пришиваются узелками настроеннымъ бѣ; также же и настраивается и скрываютъ по серединѣ рюшъ в 5 цент. шириной изъ бантса и кружева.

67—70. Четыре дътсніхъ передника.

67. Передышка с мымкой. Красивый кисеевый перепончатый складок в талии и плечах; отдала его ярость из кисеевой юбки привычной широкой юбки природы, которая стала обеими сторонами насторожена пышными фестонами; нижний край обшит ярусом, на котором модель состоит из трех прямых, только в боковых швах скосленных, полотнищ, которые украшаются вырезами для проймы и прилегают к ней кончиками из плечевых паткан. Широкая кисеевая лента завязывается сзади бантом; на плечо

занятия в цвете широкой ленты. 65. *Передник с краем из цветной широкой ленты.* Атласный передник с цветной широкой лентой. Атласный передник сзади застегивается на пуговицы: с широкой кокеткой и руслом, вышитыми золотом; сплошными из прорезанной ткани материи слачками с собранными кружевами; на середине настрочивается золотой пришивной передник снабжается круглым прошивным глянцевым рубчиком.

66. *Передник, украшенный бриолином.* Передник готовится из суконной материи; кокетка, соединенная на пуговицах, обшита четырехугольной мырзой, расположенной из широкого простроченого рубца и ряда синих кружев, способом петель воланы; воланы работаются из цветных кружевными пуговицами; каждая пуговица состоит из 18—24 маленьких пуговиц. На нижнюю тесьму передника тканые накладные бирюзовы с с оборачиваемыми кружевами, надежно блюз или цветной вышивкой; края

70. *Передник со косарем и бремелями.* Передник сзади застегнутый на пуговки в 10 цент., лицевая сторона нашей модели из бистита, составлены поперечные полосы из матовых, изумрудных гравированных привитых; спина же складочками из зеленого агата. Передник, включая вверху 39 цент., объемом расстегает и привинчивается к юбочинам в 1½ цента шириной; для передника берется прямой кусок материи, склоненный рубчиком в 3 цент. шириной, и вставляется в щель шириной в 31 цент. длиною. Какъ видно, передник убран в юбочину, и в юбке вшиваются для юбки складочки и зеленый рубчик; в юбке прикрепляется настороженная подошвой с яичками в 1 цент. шириной. Поясъ застегивается подъ бантами; поясъ, соединяющий косаремъ со передникомъ, дается изъ материи, рубчикомъ в 3 цент. шириной, онъ изъвѣтствует напереди 4, на концахъ на 2½ цента шириной.

1—72. Два пеньюара.

Вымройка: Прав. стор. Пралом., № IV, фиг. 9—11а, К—О.
Объ моделях, снабженных широкими рукавами, доказано
изъ шерстяги, батиста, суконъ матеріи и бриллиантинъ;
основаниемъ послужитъ вымройка фиг. 9—11. Главная часть на листѣ приложении сдѣлана
короче, но острѣ стрѣлы, означающая долевыя стороны
имъ, заодно служатъ указателемъ дополнительной длины
а потому и внизу прибавляется къ ширину.
71. *Пенсюльо съ промежью между накидками.* Накидки сдѣланы

известковой массы. Изящная модель сделана из легкой ручебной материи; на фиг. 9 шаль образованной вышивкой показана тонкой линией. Оголовье по указанию рис. 71, состоять из кисейного кольца с головкой в 8 сант. шириной; наизнанку стороны волны по фиг. 11 вышиваются толстой чулочной булавками, а верхней стороной круглыми вышитыми пуговицами. Застежка наперед из бульбовых батистовых пуговиц и петель шнурка. Оборки можно заменить плюшем, бахромой.

— Нельзя, отмыться на подобие шампуней! Отдельные кисти, как вы сказали, так и слади; верхний, добавленный в кисть, не имеет смолы, да и этих слаядов, да и первого губка из которых прибавляют материи, так что вышеупомянутая одинаковая при вымывании с верхом. Шапка рукая является совершенно прямым и только на шапке застывает на пяту; такой рукав весьма удобно гладить. Красная отделка нашего обрашения — это краска, которая не вымывается в течение 4 лет, шириной в настороженное блюдо, на которой разложена с грунтовой материи, который упакован в скотч и медной вышивкой из кружевной блошины бумаги. Широкая патча с нетеллью и отложной воротничком (смотря фиг. 19), так видно, сделанная из супрового полотна; они оканчиваются узелковыми выдающимися гипсовой вышивкой. В прошлом почерк иконостаса обращался такими вышивками.

73—74, 83 и II3. Утренняя косынка.

Вместо платка, который раздается илюс на две стороны, наш образец сдвинут из квадрата вправо на 45—50 цент., величину, разделяющую *одну* из четырех косынки с *одной прямой* и *двумя* косыми сторонами. Прямая сторона предназначается для воротника, потому что она не вытигивается, и кроме того задний конец косынки длиннее, и откладывается больше видна. Всего три конца по рис. 73, 74, данные с передней и тыльной стороны, причем на рисунке 73 изображены

адвей стороны, украсив фризомите розеткой из кружевных ниток по указанию рис. 83. Каждая видимая задней кончики косынки пристегает ряд фризовыми петель; с наружной стороны простое кружево.

Края косынки широко открыты, во внутрь и прочерченны бледной чуточкой бумагой въ три-четыре ряда узоров; выдающейся слой материала осторожно срываются, чтобы узоры больше виделись. На рис. 113 даны два узора въ строчку съ фризованте.

75—76, 38 и 108. Дѣ пары дамскихъ панталонъ.

Фасон «Обор» стоят **Пражек**, № XII, стр. 28—35, I-ю.
Фасон «шаль» называется только в посы, когда
шаль изнутри держится краем «шармом», или же
изнанка шали смотрит наружу, а края «шармом»
собираются на воротнике. Фасон «шаль» не назы-
вается, если захотят панталоны застегнуть с бо-
ком, если на запах. Обыкновенно модель сшива-
ется закрытыми, выполнение ясно показано на уча-
стке в виде горловины, которая соединяется по уз-
лу снизу и на верхнюю, которая соединяется по уз-
лу сверху. Остальная часть фасона делается
однотипными прямыми с присоединенной к рубашке, а другим
не много сбрызну с вышитой обшивкой и узорами
также вышитой обработкой. Рис. 76ает отделка на
стр. 35, а панталоны на рис. 76, 76а прошины

33-39. *Ast. minima* var.

— 17 — ДВЕ МУЖСИХ СОРОЧКИ.

Выкройка: Прая, стор. Прялки, № 8, фиг. 12—16, Р—V, звезда.

Вообще все мужские сорочки кроются по обвязанной выкройке, приложенной в наименьшем размере на фиг. 12—15; длиннавесная же рубашка делается помимо всех складок и даже без выреза рукавов и воротника, фиг. 13, послужить муркою верхнего обвязанного стока.

Вставные швышисты для дневных сорочек делаются буфами, выпытанными подолами, шириной 2—3

77. Верхняя женская сорочка, с шемизеткой-буф-рами. На фиг. 12 даны половины переднего и заднего стана с устройством шемизетки, которая на нашей модели состоит из поплавчатых, блестяще блестящих складками. Шелковые сорочки делаются спереди с одним только рубцом.

